сталкиваются с такими препятствиями, как неурегулированный территориальный спор, российско-китайское стратегическое партнерство (российская внешняя политика, экономика и дипломатия больше склоняются к сотрудничеству с Китаем) и американо-японский альянс, то торговое, инвестиционное и экономическое сотрудничество развивается активно и вне зависимости от состояния политического диалога.

В долгосрочной перспективе углубление связей по указанным направлениям может сыграть позитивную роль в развитии более интенсивного военно-политического взаимодействия в контексте обеспечения стабильности и безопасности в регионе АТР, что безусловно исходит из общих интересов.

Список научной литературы

1. *Афонин, Б. М.* Политика Японии в АТР: основные тенденции и направления. Территория новых возможностей // Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2014. № 4 (27), С. 23–33.

2. *Казаков М. А., Лысцев М. С.* Военно-политические аспекты российско-японских отношений (1990-е – 2010-е гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 1. С. 24–30.

3. *Стрельцов Д.В.* (отв. ред.). Япония в Азиатско-Тихоокеанском регионе: политические, экономические и социально-культурные аспекты (Japan in the Asia-Pacific Region: Political, Economic and Socio-Cultural Aspects) / Ассоциация японоведов. М.: Вост. лит., 2009. 256 с.

4. *Rumer E., Sokolsky R., Vladicic A*. Russia in the Asia-Pacific: Less Than Meets the Eye. Carnegie Endowment for Interantional Peace. 03.09.2020. Available at: https://carnegieendowment.org/2020/09/03/russia-in-asia-pacific-less-than-meets-eye-pub-82614 (accessed 01.09.2021).

5. *Turvold W., Burgoyne M., and Dorschner M*. Russia and Northeast Asia: Unrealized Potential in Russia's Global Reach: A Security and Statecraft Assessment, ed. Graeme P. Herd. Garmisch-Partenkirchen: George C. Marshall European Center for Security Studies. 2021. P. 53-61. Available at: https://www.marshallcenter.org/en/publications/marshall-center-books/russias-global-reach/chapter-7-russia-and-northeast-asia-unrealized-potential (accessed 01.09.2021).

А.В. Колесникова*

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ В ФОРМАТЕ АСЕАН + 3 В ПАРАДИГМЕ НОВЫХ ВЫЗОВОВ РЕГИОНА ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Аннотация. Целью данного исследования является анализ дорожной карты «Новой южной политики» Республики Корея в формате АСЕАН+3, а также оценка ее реализации на примере осуществленных достижений. В статье изучены соответствующие роли частного и государственного секторов, так как до сих пор основными игроками были частные корейские компании, которым в некоторой степени оказывалась поддержка за счет реализации государственной политики в форме либерализации тарифов в рамках Соглашений о Свободной Торговле АСЕАН-Республика Корея. Принятие «Новой южной политики» свидетельствует о передаче государственному сектору больших полномочий и

* **Колесникова Александра Валерьевна,** аспирант; Кафедра экономики и экономической географии стран Азии и Африки, Московский Государственный Университет имени М. В. Ломоносова, Институт Стран Азии и Африки

подчеркивает стремление южнокорейского правительства играть гораздо большую роль в формировании экономических отношений с ассоциацией. В статье дается оценка формы и возможных результатов этой правительственной инициативы в парадигме новых вызовов региона Юго-Восточной Азии. Одним из разделов исследования является анализ экономических связей между Республикой Корея и ее южными партнерами, в котором освещаются сильные и слабые стороны этих отношений. В качестве второго шага автором предпринимается попытка определить вклад, который правительственная стратегия может внести в устоявшееся партнерство на уровне частного сектора. При этом исследования также учитывает внешние факторы, например, такие как конкуренция, исходящая от других крупных игроков в регионе, включая Российскую Федерацию. Статья завершается оценкой экономических перспектив «Новой южной политики».

Ключевые слова: АСЕАН, Республика Корея, Новая южная политика, экономическое сотрудничество.

Несмотря на то, что экономические отношения Республики Корея и стран АСЕАН кажутся относительно устоявшимися, в них все еще присутствуют неосвоенные векторы развития. Во-первых, активное экономическое участие Кореи в АСЕАН в некоторой степени является оптической иллюзией: до недавнего времени в рамках АСЕАН только Вьетнам имел большую значимость для Кореи, в то время как другие страны оставались относительно второстепенными партнерами с точки зрения торговли и прямых иностранных инвестиций. Во-вторых, за исключением ОПР, роль корейского правительства до сих пор оставалась ограниченной в поддержке расширения экономических связей между Кореей и АСЕАН. Хотя можно сказать, что экономическая составляющая Новой южной политики Республики Корея опирается на прочный фундамент, ключевая задача заключается в том, чтобы определить, как обновленная стратегия сможет выйти за рамки существующих экономических отношений, основанных на частном секторе.

Приоритетом Новой южной политики Республики Корея (далее НЮП) является всестороннее развитие отношений страны с некоторыми ее партнерами в Юго-Восточной Азии и Южной Азии. Важной целью НЮП является выход за рамки существующего экономического партнерства, а также углубление и укрепление существующих экономических отношений. В то время как диверсификация и фрагментация экономической системы является ключевым принципом НЮП, необходимо подчеркнуть, что регион Юго-Восточной Азии всегда являлся предметом стратегических интересов Республики Корея, а в связи с противостоянием США и Китая и перестройкой цепочек добавленной стоимости с целью снижения зависимости от сверхдержав значение стран АСЕАН еще более возрастает. Принятый Республикой Корея вектор развития имеет определенное значение и для Российской Федерации.

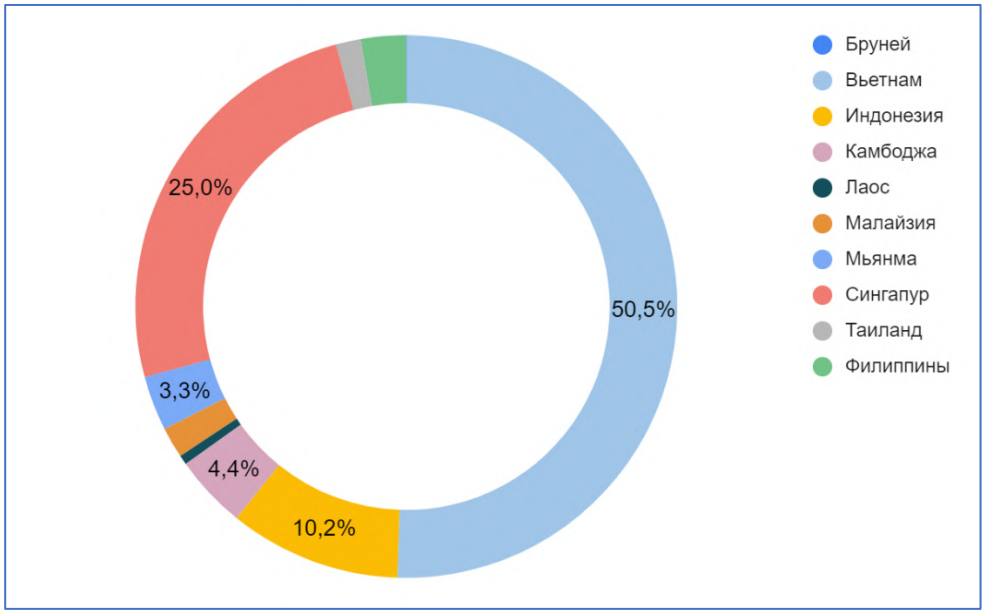
Целью исследования является оценка дополнительной ценности Новой южной политики и способов ее реализации через призму ролей частного и государственного секторов. До сих пор основными игроками выступали частные корейские компании, которым в некоторой степени оказывалась поддержка за счет реализации государственной политики в форме либерализации тарифов в рамках ССТ. Принятие Новой южной политики свидетельствует о передаче государственному сектору больших полномочий и подчеркивает стремление южнокорейского правительства играть гораздо большую роль в формировании экономических отношений с альянсом. В статье дается оценка формы и возможных результатов этой правительственной инициативы в парадигме новых вызовов региона Юго-восточной Азии. Одним из разделов исследования является анализ экономических связей между Республикой Корея и ее южными партнерами, в котором освещаются сильные и слабые стороны этих отношений. В качестве второго шага автором делается попытка определить вклад, который правительственная стратегия может внести в устоявшееся партнерство на уровне частного сектора. При этом также будут учтены внешние факторы, такие как конкуренция, исходящая от других крупных игроков в регионе, включая

Российскую Федерацию. Статья завершается оценкой экономических перспектив Новой южной политики.

С 1989 года торговля Кореи со странами АСЕАН резко возросла. С примерно 8 миллиардов долларов США в 1989 году товарооборот достиг 38,3 миллиарда долларов США в 2000 году и 160 миллиардов долларов США в 2018 году. Таким образом, наблюдается двадцатикратный рост торгового оборота за тридцать лет. В результате доля АСЕАН в торговой структуре торговле Республики Корея выросла с 8 % в 1990 году до 14 % в 2018 году, наравне с ЕС. Таким образом, АСЕАН в настоящее время является вторым по величине торговым партнером Кореи, в то время как Корея является пятым по величине торговым партнером АСЕАН[43].

Более значимым является и тот факт, что структура торговли между Кореей и АСЕАН подчеркивает их высокую взаимодополняемость; Корея богата капиталом и технологиями, в то время как страны АСЕАН богаты трудовыми и природными ресурсами. Два партнера действительно связаны через региональные цепочки добавленной стоимости, при этом Корея импортирует сырье из АСЕАН (в частности, уголь и нефть из Индонезии) и экспортирует промежуточную продукцию в АСЕАН (электронные интегральные схемы в Малайзию, Таиланд и, что более важно, Вьетнам), а также реимпортирует конечную продукцию из АСЕАН. Взаимодополняемость можно также увидеть в финансовой сфере, когда корейские сбережения направляются в АСЕАН в качестве банковских кредитов, предоставленных либо корейским компаниям, имеющим представительства в странах АСЕАН, либо непосредственно финансовым институтам стран АСЕАН [Nicolas 2021: 5–10]. Что касается страновой структуры торговли, то первое место среди партнеров стран АСЕАН занимает Вьетнам, который перехватывает инвестиционные потоки для формирования международной площадки ведения бизнеса и становится точкой реэкспорта продукции ТНК на другие рынки. В 2018 году на Вьетнам приходилось 50,5 % торгового оборота Кореи со странами АСЕАН (37,5 % импорта и 50,7 % экспорта), и стал ее четвертым по величине партнером. Таким образом, торговля между Кореей и АСЕАН сильно смещена в сторону Вьетнама (Рис. 1).

Рисунок 1. Страновое распределение объемов торговли Республики Корея со странами-членами АСЕАН

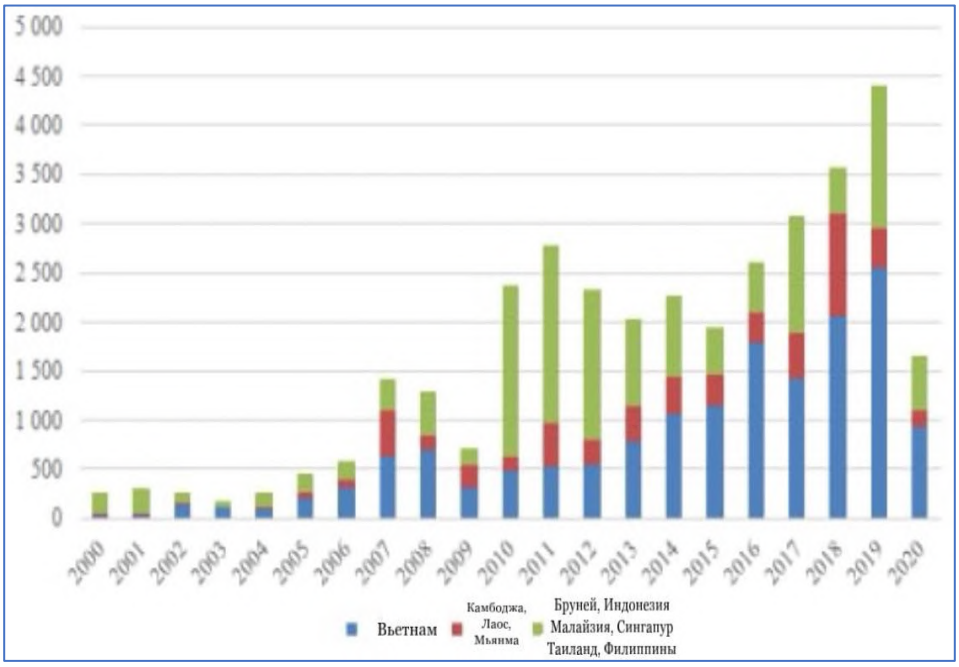
Источник: UN Comtrade. Режим доступа: URL: https://comtrade.un.org/ (дата обращения: 20.11.2021).

[43] OECD. Режим доступа: URL: https://stats.oecd.org/ (дата обращения: 20.11.2021)

Говоря о тенденциях прямых иностранных инвестиций, Корея и АСЕАН также тесно связаны. В период с 1980 по 2018 год совокупный объем прямых иностранных инвестиций Кореи (ПИИ) в АСЕАН был на одном уровне с корейскими ПИИ в Китай, что делает Корею пятым по величине источником прямых иностранных инвестиций в АСЕАН. Только в 2019 году инвестиции Кореи в АСЕАН составили 8,3 миллиарда долларов США [Moon]. Крупные корейские компании, инвестирующие в АСЕАН, часто сопровождаются корейскими малыми и средними предприятиями (МСП), которые выступают в качестве поставщиков. Кроме того, корейские МСП инвестируют в трудоемкие виды деятельности, такие как текстильная промышленность, как в Камбодже или Индонезии, или в сферу услуг (рестораны, салоны красоты), как в Сингапуре. Однако большинство МСП, как правило, демонстрируют низкий средний показатель продаж или прибыли, что говорит о том, что именно в этой парадигме полезной может оказаться и государственная поддержка. Что касается секторов, на которые нацелены корейские компании в АСЕАН, то прослеживается определенная диверсификация в зависимости от страны инвестирования. Индонезия и Мьянма, например, привлекают значительные инвестиции в горнодобывающий сектор, в то время как ПИИ в промышленную сферу доминирует в Малайзии и Вьетнаме. С ростом доли обрабатывающей промышленности меняется и стратегия корейских компаний; регионы перестают нести в себе значение исключительно производственной базы, а все активнее показывают привлекательность растущего сектора услуг благодаря расширению местных рынков потребления.

В целом страны АСЕАН приобрели важное значение в качестве пункта назначения корейских ПИИ: доля АСЕАН в общем инвестиционном потоке Кореи выросла примерно с 5% в 2001 году до 30% в 2010 году. С тех пор доля АСЕАН колеблется между 20 и 30 %. Как и в случае с торговлей, в последнее время резкий рост ПИИ в АСЕАН в значительной степени обусловлен притоком инвестиций в одну страну – Вьетнам (Рис. 2).

Рисунок 2. Распределение ПИИ Республики Корея по странам АСЕАН

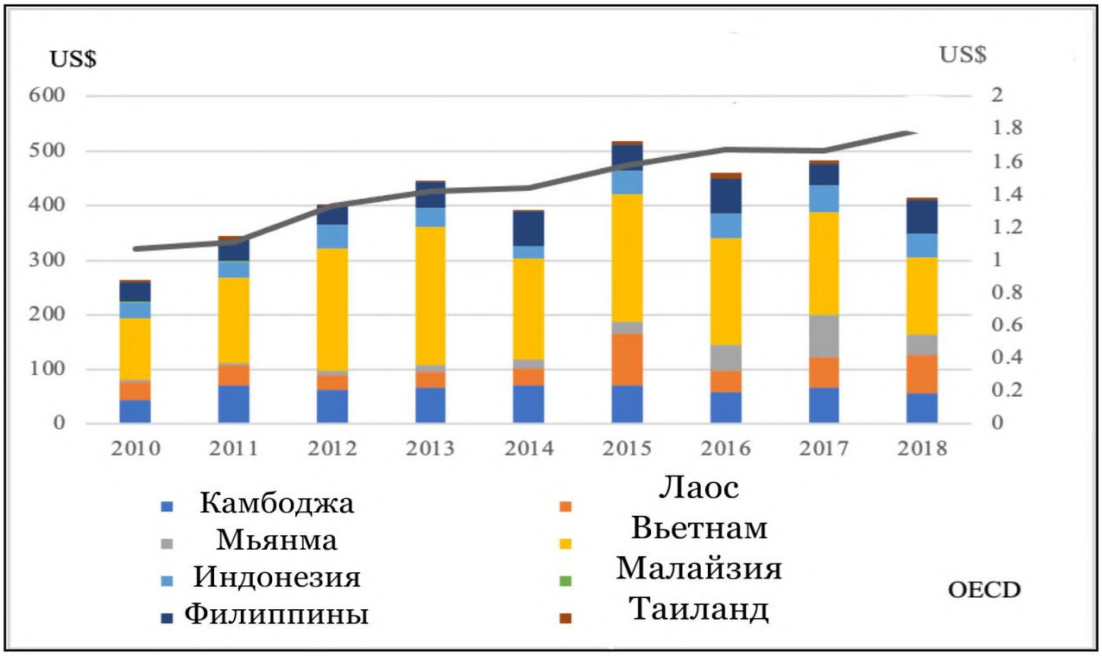
Источник: OECD. Режим доступа: URL: https://stats.oecd.org/ (дата обращения: 20.11.2021)

Увеличение потоков корейских ПИИ в АСЕАН отражает стратегию корейских компаний по перемещению производства для поддержания конкурентоспособности, а также для усиления взаимодополняемости между регионами [Kwak and Lim 2019]. Несколько корейских компаний действительно решили переместить производство из Китая во Вьетнам в ответ на целый ряд факторов (рост затрат на рабочую силу и ужесточение политического контекста). Решение Samsung выбрать Вьетнам в качестве альтернативного места производства, принятое в 2013 году, было основано на предполагаемой привлекательности страны в качестве производственной базы. В результате в 2014 году объем производства корейской продукции во Вьетнаме превысил отметку в 1 миллиард долларов США. На сегодняшний день Samsung является крупнейшим иностранным инвестором во Вьетнаме с инвестициями на общую сумму 17 миллиардов долларов США [Moon 2019: 75–80]. Другие компании сделали аналогичные расчеты; например, Hyundai Motor увеличила производство автомобилей во Вьетнаме, приостановив производственную линию в Пекине. Более того, Вьетнам стал и точкой реэкспорта продукции – так, запчасти автомобилей, производимые на линиях во Вьетнаме, реэкспортируются и в Российскую Федерацию, что потенциально уменьшает издержки производства, учитывая благоприятный торговый климат РФ и СРВ, а также относительно низкие затраты на вьетнамскую рабочую силу с учетом ее постоянно растущей квалификации.

Кризис, связанный с Covid-19, вероятно, еще больше усилит эту тенденцию, поскольку участие в диверсификации цепочек добавленной стоимости и, в более общем плане, экономических партнерств все чаще воспринимается как наилучший способ свести к минимуму риск будущих сбоев в торговле и повысить устойчивость цепочки поставок. Помимо производства, корейские компании традиционно активно развивают инфраструктуру - сектор, в котором они получили государственную поддержку. Однако главная проблема заключается в том, что корейские строительные компании, которые часто являются малыми и средними, как правило, в основном занимаются простым субподрядом с небольшой добавленной стоимостью. Хотя описанные до сих пор тенденции в целом отражают независимую деятельность частного сектора, государственная политика имела некоторое влияние. Соглашения о свободной торговле (ССТ), заключенные Кореей и ее южными партнерами, вероятно, способствовали расширению двусторонней торговли и инвестиций, хотя эта тенденция наблюдалась и до вступления в силу этих ССТ.

До недавнего времени основной формой государственного экономического вмешательства Кореи в АСЕАН была политика официальной помощи в целях развития. Корейская политика ОПР основана на двух отдельных инструментах: во-первых, Фонд экономического развития и сотрудничества (EDCF) и, во-вторых, Корейское агентство международного сотрудничества (KOICA). Политика льготных кредитов, за которую отвечает Министерство финансов, реализуется фондом EDCF, управляемым Корейским импортно-экспортным банком (KEXIM). Политика предоставления грантов определяется Министерством иностранных дел, а затем реализуется KOICA. Правительство Кореи сильно заинтересовано в развитии отношений с АСЕАН и в оказании помощи менее развитым странам. Шесть стран АСЕАН входят в число приоритетных партнеров Кореи - Лаос, Мьянма и Вьетнам, Индонезия и Филиппины. Среди этих стран Вьетнам получает львиную долю, в среднем около 44 % корейской ОПР в АСЕАН за последнее десятилетие. То же самое относится и к финансированию EDCF: по состоянию на 31 декабря 2019 года на Вьетнам приходилось 18,4 % от общего объема выданных Кореей кредитов, опережая Бангладеш, Филиппины, Камбоджу и Мьянму. Что касается деталей реализации подобной деятельности, то корейская ОПР в АСЕАН сегодня сосредоточена на проектах в области инфраструктуры и устойчивого развития (Рис. 3).

Рисунок 3. Распределение кредитования стран АСЕАН РК

Источник: Korea Eximbank. Режим доступа: URL: https://stats.koreaexim.go.kr/en/enMain.do (дата обращения: 20.11.2021).

Цифры, касающиеся торговли и инвестиций, отражают состояние дел до внедрения Новой Южной Политики и отражают долгосрочные тенденции. Из этих наблюдений вытекают следующие выводы.

За исключением ОПР роль правительства до сих пор оставалась ограниченной в поддержке расширения экономических связей между Кореей и АСЕАН. Экономическое присутствие и активность Кореи в АСЕАН не являются чем-то новым, но в первую очередь это результат инициатив частного сектора, когда крупные корейские компании все больше инвестируют в регион, чтобы воспользоваться благоприятными условиями для бизнеса и уменьшить свою зависимость от Китая. В результате до сих пор экономическое присутствие Кореи в регионе не было результатом хорошо структурированного подхода. Более того, ключевая роль, которую играет частный сектор, может в значительной степени объяснить, почему присутствие Кореи в АСЕАН сильно смещено в сторону лишь одного партнера. Однако, очевидно, что с точки зрения правительства, есть и пределы тому, чего могут достичь корейские компании, действуя самостоятельно [Kang]. Таким образом, существует явная необходимость в той или иной форме государственного вмешательства для переориентации корейских потоков и достижения лучшего баланса. Среди прочего это и есть цель, к которой стремится Новая южная политика. Хотя инициатива может извлечь выгоду из уже существующих активов, чтобы быть успешно реализованной, ей необходимо ориентировать на некоторую добавленную стоимость.

Одной из главных целей Новой южной политики в ее экономическом измерении является стремление повлиять на проблему чрезмерной экономической зависимости Кореи от Китая. С точки зрения правительства Кореи, риски, связанные с такой зависимостью, проявились уже в 2017 году, когда после развертывания Кореей системы противоракетной обороны Терминальной высотной зоны (THAAD) Китай начал кампанию против корейских экономических интересов. Асимметрия в двусторонних отношениях сделала Корею особенно уязвимой. На момент возникновения спора на долю Китая приходилось примерно 25 % корейского экспорта товаров и услуг, в то время как Корея была источником всего 10 % китайского импорта товаров и не входила в число ведущих поставщиков услуг на материке.

Еще одна важная цель правительства Кореи - помочь компаниям участвовать в проектах по развитию инфраструктуры в АСЕАН. С этой целью президент Мун в 2018 году учредил Корейское сотрудничество по поддержке развития городов в области зарубежной инфраструктуры (KIND). Проект является государственным, а его роль заключается в содействии государственно-частному партнерству на международном уровне и поддержке корейских компаний на всех этапах реализации проекта [Botto].

С этой целью Корея планирует создать новый фонд на сумму 1,5 трлн вон (1,2 млрд долларов США), так называемый Глобальный фонд предприятий, инфраструктуры и умных городов (PIS) для поддержки экспорта корейскими компаниями технологий умных городов. Страны АСЕАН и Корея уже заключили 23 партнерства в области развития умных городов с момента запуска Сети умных городов АСЕАН (ASCN) в 2018 году [Yoon 2020: 1–3].

Вместо явного субсидирования правительство Кореи сделало выбор в пользу косвенной поддержки посредством переговоров и реализации различных торговых соглашений (ССТ или Всеобъемлющих соглашений об экономическом партнерстве – СЕРА). В дополнение к соглашению о свободной торговле РК-АСЕАН, действующему с 2007 года, Корея заключила соглашение СЕРА с Индонезией и ведет переговоры с Филиппинами. Реализация соглашения, несомненно, будет способствовать дальнейшему укреплению торговых и инвестиционных отношений между Кореей и АСЕАН.

Заключение

Дорожная карта Новой Южной политики Республики Корея действительно укладывается в стратегию экономического сотрудничества в формате АСЕАН + 3 в парадигме новых вызовов региона Юго-Восточной Азии и ставит несколько экономических целей с точки зрения торговли или инвестиций. Однако, несмотря на то что достижение цели в 200 миллиардов долларов США для торговли между АСЕАН и Кореей представляется относительно реализуемой, учитывая ранее существовавшую динамику, другие цели могут быть более комплексными и потребовать мобилизации финансовых средств. Так, на данный момент недостаточно много сделано для исправления дисбаланса в пользу Вьетнама в аспекте экономического сотрудничества, чтобы способствовать расширению деятельности корейских компаний с более высокой добавленной стоимостью.

Что касается Российской Федерации, то успешная имплементация Новой Южной политики и сбалансирование торговых отношений РК и АСЕАН без существенного перекоса в сторону СРВ позитивно повлияет и на положение России в регионе. На данный момент наблюдается определенная конкуренция интересов на вьетнамском рынке, где российские и корейские компании конкурируют за одних и тех же потребителей или за проекты в одних и тех же отраслях. Россия традиционно является сильным партнером Вьетнама, и повышенная активность корейских компаний может вызывать оттягивание ресурсов. Реализация Новой Южной политики может решить данную проблему и способствовать диверсификации деятельности корейской стороны.

Таким образом, Новая Южная политика является экономически оправданной стратегией и может существенно повлиять на позитивное развитие экономических отношений Республики Корея и стран АСЕАН в будущем.

Список научной литературы

1. *Kang, Seonjou* (2020), “Korea’s New Southern Policy: Diversifying Strategic and Economic Portfolios”, Asia Pacific Bulletin, East-West Center, No. 515, July.

2. *Kathryn Botto* (2021), “South Korea Beyond Northeast Asia: How Seoul Is Deepening Ties With India and ASEAN”, Carnegie EIL, Working paper.

3. *Kwak, Sungil and Lim Mi Lim* (2019), “The Growth of the ASEAN Infrastructure Market and its Implications for Policy Makers in Korea”, World Economic Brief, KIEP, No. 9-14, July 10.

4. *Moon, Jinyoung et al*. (2020), “Korea’s Investment in ASEAN: An Analysis Linking Foreign Subsidiaries Activities and Parent Data”, World Economic Brief, KIEP, No. 10-20, July 24.

5. *Nicolas F.* The Economic Pillar of Korea’s New Southern Policy: Building on Existing Assets// Asie.Visions. 2021 No. 120. P. 4 – 26.

6. *Moon, Han, Ryu*. 한국의 아세안 투자 특성과 시사점: 해외 자회사 활동과 모기업 자료를 연계한 분석(Characteristics and Implications of Korea’s Investment in ASEAN: an Analysis Linking Foreign Subsidiary Activities and Parent Data)// 세계지역전략연구. 2019. Vol. 19. No. 09.

7. *Yoon*. Korea’s New Southern Policy: Progress, Problems and Prospects// Asia Pacific Bulletin, East-West Center.2020 No. 513.

О.В. Коробова*

КИТАЙ И ВЫХОД К ИНДИЙСКОМУ ОКЕАНУ: ВЛИЯНИЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА «ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ» НА ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ БАЛАНС В МЬЯНМЕ ПОСЛЕ 1 ФЕВРАЛЯ 2021 ГОДА

Аннотация. В статье анализируется влияние завершения строительства новой железнодорожной линии Линьцан-Чэнду, предоставившей Китаю выход к Индийскому океану через Мьянму, на политику Мьянмы в отношении государств, также заинтересованных в активном сотрудничестве с ней, с учетом текущей политической обстановки, а также общих тенденций во внешней политике страны. Предпринята попытка предсказать дополнительные пути развития связей России и Мьянмы.

Ключевые слова: Мьянма, Китай, Россия, АСЕАН, инициатива «Один пояс, один путь», Малаккский пролив, Индийский океан.

Введение

Китай и Индия осознают необходимость развития отношений с Мьянмой, поскольку она является страной-посредником, обеспечивающей связи с остальными государствами Индокитая. Обе державы оказывают финансовую помощь в развитии инфраструктуры Мьянмы, однако, как показывает история, для страны характерно балансирование между двумя силами, поскольку значительный рост присутствия лишь одной из сил ставит под угрозу независимость Мьянмы в вопросах внешней и внутренней политики из-за возникновения дополнительных рычагов давления извне.

Потребность Мьянмы в экономическом развитии нередко вынуждает правительство учитывать мнения стран-инвесторов по поводу внутренней политической обстановки. Последние же соблюдают осторожность в своих высказываниях из-за неприязни населения Мьянмы к активному иностранному вмешательству.

Возможные изменения в системе отношений Мьянмы с Китаем и Индией, вызванные новой политической ситуацией в стране после событий 1 февраля 2021 г., когда власть перешла к Государственному административному совету (ГАС) во главе с главнокомандующим вооруженными силами Мьянмы старшим генералом Мин Аун Хлайном, заслуживают внимания, поскольку страна оказалась практически в полной изоляции в результате критики и очередных санкций со стороны Запада. К ограниченному

* **Коробова Ольга Владимировна** - студентка 4-го курса, профиль «Бирманская филология», Восточный факультет Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: owkorobova@gmail.com.